

ЖГУЧАЯ ТАЙНА

Партнер

Локомотив сипло взвизгнул: поезд прибыл в Земмеринг. С минуту вагоны, выплюнув на платформу несколько пестрых фигурок и приняв в свое чрево новых пассажиров, отдыхали в серебристом горном свете, тут и там слышались раздраженные голоса, а потом хрипящая машина снова свистнула и потянула черную громохочущую вереницу вниз, в пещеру тоннеля. Больше ничто не нарушало ясный, начисто выметенный влажным ветром бескрайний пейзаж.

Один из прибывших, импозантный молодой человек в изящном костюме и с естественно упругой походкой, быстрее других взял фиакр и направился в отель. Лошади неспешно зашагали вверх по дороге.

В воздухе пахло весной. В небе резвились беспокойные белые облачка, какие бывают только в мае и июне. Эти легкомысленные юнцы то игриво проносились в синеве, то вдруг скрывались за высокими горами, то обнимались и убегали, то комкались, как носовые платки, то вытягивались в длинные полосы, то, наконец, словно шутя, шапками оседали на вершинах гор. Тревожное оживление чувствовалось и в порывах ветра, так немилосердно встряхивавшего еще влажные от дождя деревья, что те скрипели каждым своим суставом, разбрызгивая вокруг мириады искрящихся капель. Время от времени с гор

долетал свежий запах снега, и тогда в воздухе чувствовался одновременно сладкий и острый привкус. Все — и на земле, и в небе — было в движении и словно бродило от нетерпения. Лошади негромко фыркали, ступая теперь уже по отлогому спуску, звон бубенцов разносился по всей округе.

В отеле молодой человек первым делом спросил список постояльцев, пробежал его глазами и тотчас же отложил с явным разочарованием. «Зачем я, собственно, здесь? — подумалось приезжему. — Одному в горах, без общества, право, еще хуже, чем сидеть в канцелярии! Видно, я приехал слишком рано или, наоборот, опоздал. Вечно мне не везет с отпуском! Ни одного знакомого имени... Будь здесь хоть пара женщин, тогда небольшой, пусть даже невинный флирт спас бы от недельной тоски».

Молодой человек был барон, австриец, отпрыск не слишком знатного чиновничьего дворянского рода. Он служил в правительственной канцелярии и не особенно нуждался в отдыхе, а отпуск взял скорее потому, что все его коллеги выхлопотали себе весенние каникулы и он тоже не захотел отдавать эту неделю службе.

Не будучи обделен внутренним содержанием, барон по натуре был человеком общительным, за что его любили и охотно принимали в любом кругу. Ни малейшей потребности в одиночестве он не испытывал и потому избегал его, будто не желая более близкого знакомства с собственной персоной. Он прекрасно знал, что только от общения с людьми в нем, как огонь от трения, вспыхивают таланты, а сердце охватывают тепло и задор, наедине же с собой он холоден и неприкаян, как незажженная спичка.

В досаде молодой человек то бродил по пустому холлу, рассеянно листая газеты, то садился за пианино в гостиной и начинал какой-нибудь вальс, но

скоро сбивался с ритма. Наконец он устроился у окна наблюдать, как медленно подступают сумерки и сосны погружаются в похожий на дым туман. Промаявшись так около часа, барон бежал в столовую.

Там было занято всего несколько столиков; он быстро окинул взглядом публику. Безнадежно! Ни одного знакомого лица, разве только тренер, — барон небрежно ответил на приветствие, — да еще какой-то тип с Рингштрассе. И ни единой женщины, ничего, что обещало бы хотя бы мимолетное приключение. К досаде прибавилось нетерпение. Барон был из тех молодых людей, которым многое удается благодаря счастливой наружности, которые всегда начеку, в предвкушении новых знакомств и переживаний. Их, всегда готовых очертя голову ринуться в очередное приключение, ничто не собьет с толку, потому что все их действия продуманы заранее. Они не пропустят ничего достойного внимания, потому что с первого взгляда видят женщину насквозь, не делая различий между женой приятеля и горничной, открывающей дверь в ее покои. Таких с некоторым пренебрежением называют охотниками, не задумываясь о том, какие точные жизненные наблюдения отражает эта метафора. Потому что все инстинкты охотника — караулящего, выслеживающего добычу, — его азарт и жестокость мерцают в глубине их пронизывающего взгляда. Они всегда в засаде, исполненные решительности идти по следу, пусть даже он заведет их в пропасть. Они всегда словно наэлектризованы страстью, но не любовной, а страстью игрока, холодной, расчетливой и опасной. Среди них попадаются особенно стойкие, для которых не только юность, но и вся жизнь — бесконечное ожидание приключений. Для таких людей каждый день распадается на множество мелких чувственных переживаний: брошенный походя взгляд,

мимолетная улыбка, легкое прикосновение к колену соседки, а год — на множество таких дней, где чувственные переживания превращаются в неисчерпаемый источник энергии и радости жизни.

Здесь партнеров для игры не было — барон понял это сразу. А ведь нет большей досады для игрока, чем, сознавая свое превосходство, сидеть за зеленым столом с картами в руках в напрасном ожидании соперника. Молодой человек велел подать газету. Мрачный взгляд заскользил по строчкам, но мысли не слушались, то и дело, как пьяные, спотыкаясь о слова.

Вдруг барон услышал позади себя шелест платья, и слегка раздраженный голос с жеманным выговором произнес:

— Mais tais-toi donc, Edgar!¹

Мимо его стола, шурша шелком, скользнула высокая пышная фигура, а за ней — бледный мальчуган в черном бархатном костюмчике, окинувший барона любопытным взглядом. Оба расположились за зарезервированным столиком напротив. Ребенок явно очень следил за своим поведением, но эта благопристойность как будто шла вразрез с темным беспокойным блеском его глаз. Дама — все внимание барона занимала именно она, — холеная и со вкусом одетая, принадлежала к его любимому типу женщин. Это была полноватая еврейка на пике зрелой красоты, страстная, но достаточно опытная, чтобы скрывать темперамент под маской благородной меланхолии. Прежде чем заглянуть ей в глаза, барон любовался изгибом бровей и линией носа, который, хотя и выдавал происхождение дамы, сообщал, благодаря безупречной форме, особую пикантность ее профи-

¹ Замолчи же, Эдгар! (фр.) — Здесь и далее — примечания переводчика.

лю. Волосы, как и весь ее дышащий женственностью облик, поражали пышностью, во всей фигуре чувствовалась уверенность осознающей себя красоты. Дама тихим голосом отдавала распоряжения официанту и делала замечания игравшему с вилкой мальчику с подчеркнутым безразличием к осторожному взгляду барона, которого будто не замечала, между тем как именно его пристальное внимание и было причиной столь выверенной чопорности.

Лицо молодого человека сразу просветлело, складки разгладились, по мышцам будто пробежал ток, в глазах замерцали огоньки. В нем самом было что-то от женщины, которой необходимо присутствие мужчины, чтобы проявиться в полную силу. Пробудить его к жизни можно было не иначе, как разбередив чувственность. Охотник почуял добычу. Теперь, словно бросая вызов, он искал встретиться с ней взглядом, и время от времени это получалось, но в глазах дамы не было ничего, кроме блестящего светского равнодушия. Иногда на ее губах ему чудилась тень едва намечившейся улыбки, но все это было слишком неопределенно. Впрочем, именно эта неопределенность распалила его больше всего. Подчеркнутое безразличие, в котором чувствовалась натянутость и смущение, и нарочито придирчивое внимание к поведению ребенка, явно рассчитанное на зрителя, оставались неизменны, что очень обнадеживало барона. Само по себе это спокойствие было первым признаком зарождающейся тревоги. Игра началась. Барон забыл об ужине. Добрых полчаса он рассматривал эту женщину, пока не изучил взглядом каждую черточку ее лица, каждый изгиб ее скрытого под шелковым платьем тела.

Снаружи угрожающе надвигалась темнота. Угрюмые серые тучи опускались на кроны деревьев, и те

трепетали, как испуганные дети. Тени проникали в комнату, и в столовой повисло давящее молчание. В этой тишине разговор матери с ребенком казался барону еще более неестественным и принужденным; ясно было, что он вот-вот оборвется. В этот момент молодой человек решился на эксперимент. Он встал и, не отрывая взгляда от пейзажа за окном, медленно направился к двери мимо столика дамы, там резко обернулся, будто что-то забыл, и поймал ее устремленный в его сторону взгляд.

Это воодушевило его. Он решил ждать ее в холле. Вскоре дама вышла, ведя за руку мальчика. Проходя мимо столика с прессой, дама взяла полистать журнал, показала сыну пару картинок. Но когда барон тоже направился к столику, — как будто за журналом, но на самом деле, чтобы поглубже заглянуть в ее блестящие глаза, а может быть, даже завязать разговор, — она отвернулась, легонько хлопнула сына по плечу и, проговорив: «Viens, Edgar! Au lit!»¹, — равнодушно прошелестела мимо.

Барон слегка разочарованно проводил ее взглядом. Собственно, он рассчитывал на знакомство уже в первый вечер, и холодность дамы несколько расстроила его. Но, в конце концов, в этом сопротивлении была своя прелесть, а неопределенность только распаляла его. И главное — партнер найден, можно начинать игру.

Внезапная дружба

Выйдя на следующее утро в холл, барон застал сына прекрасной незнакомки за оживленной беседой с двумя лифтерами, которым тот показывал

¹ Пойдем, Эдгар! В постель! (фр.)

картинки в книге Карла Мая. Матери рядом не было: она, очевидно, еще не закончила утренний туалет. Только сейчас барон как следует разглядел ребенка. Это был робкий, нервный мальчуган лет двенадцати с суетливыми движениями и беспокойными темными глазами. Как часто бывает в таком возрасте, ребенок выглядел напуганным, будто его только что подняли с постели и привели в общество незнакомых людей. Лицо у него было симпатичное, но несколько неопределенное, мужественность только-только проступала в нем и казалась чем-то внешним, — ни одной завершенной линии, все неясно и расплывчато. Кроме того, мальчик переживал тот период, когда вся одежда не по размеру, рукава и штанины вечно широки, а тщеславие еще не принуждает следить за своим внешним видом.

Слоняющийся без дела мальчуган производил довольно жалкое впечатление. Собственно говоря, он просто всем мешал. Он то приставал с расспросами к портье, и тому приходилось легонько отстранять ребенка, то вставал у дверей и мешал проходу. Очевидно, мальчику не хватало дружеского общения. Он пытался болтать со служащими отеля, и те вступали в беседу, если не были заняты, но тут же, завидев кого-нибудь из взрослых или вспомнив про какое-нибудь дело, прерывали разговор. Барон с улыбкой наблюдал за несчастным ребенком, таким любопытным и таким неприкаянным. В какой-то момент молодой человек поймал на себе его взгляд, в котором тут же любопытство сменилось испугом, а потом мальчик и вовсе спрятал глаза, опустив веки. Это позабавило барона. Мальчуган заинтересовал его, он стал размышлять, не мог бы этот не столько пугливый, сколько стеснительный ребенок послужить посредником в сближении с его матерью.

Во всяком случае, он решил попробовать. Барон незаметно последовал за ребенком, который уже выскочил за дверь и, удовлетворяя детскую потребность в нежности, стал гладить розовые ноздри белый кобылы. Впрочем, здесь ему тоже не повезло: кучер довольно грубо оттолкнул мальчишку в сторону. Теперь ребенок, обиженный и скучающий, снова тоскливо озирался, не зная, куда себя деть. Тут-то барон и начал разговор.

— Ну, молодой человек, как вам здесь нравится? — спросил он, стараясь придать тону побольше жизнерадостности.

Мальчик уставился на барона, его лицо залилось краской. Некоторое время он стыдливо озирался, испуганным жестом прижимая руку к груди. Еще бы, с ним впервые заговорил незнакомый господин!

— Спасибо, хорошо, — только и смог выдавить из себя мальчуган. Последнее слово словно застряло у него в горле.

— Удивительно! — рассмеялся барон. — Ведь это довольно тоскливое место, тем более для такого юноши, как ты. Чем же ты занимаешься целыми днями?

Мальчик был настолько ошарашен, что не смог ответить сразу. Такой элегантный господин проявил интерес к нему, к нему, до которого никому нет дела? Сама мысль об этом одновременно пугала его и наполняла гордостью. Возможно ли это? Сделав над собой усилие, мальчик улыбнулся.

— Я читаю, много гуляю с мамой. Иногда мы ездим кататься, мама и я. Мне нужно отдыхать после болезни и побольше времени проводить на солнце, так велел врач.

Последняя фраза прозвучала увереннее. Дети всегда охотно говорят о своих болезнях, зная, что таким образом можно привлечь к себе больше внимания.

— Да, молодым людям вроде тебя полезно загорать. Но ты ведь не можешь дни напролет сидеть на солнце? Такой парень должен успевать всюду, много бегать, даже чуть-чуть безобразничать. Сдается мне, ты чересчур послушный. Зачем тебе стоять столбом с толстой книгой под мышкой? Знаешь, каким сорванцом я был в твои годы? Каждый вечер возвращался домой в разодранных штанах. Не надо быть таким паинькой!

Лицо мальчика невольно расплылось в улыбке, страх тут же исчез. Ему захотелось что-нибудь возразить, но это показалось ему слишком самонадеянным, он не хотел дерзить элегантному господину, который так приветливо заговорил с ним. Бойким мальчуган не был ни в коей мере, а теперь и вовсе смутился от неожиданного счастья. Ему хотелось продолжить разговор, но ничего путного в голову не приходило. Хорошо, что тут подвернулся проходивший мимо огромный сенбернар, который обнюхал их обоих и дал себя приласкать.

— Любишь собак? — спросил барон.

— Очень! — признался мальчик. — У бабушки на вилле в Бадене живет пес. И когда мы там гостим, он не оставляет меня ни на минуту. Но в Бадене мы бываем только летом.

— А у нас в имении дюжины две собак, не меньше. Я подарю тебе щенка, так и быть, раз уж ты такой послушный. Рыжего с белыми ушами. Хочешь?

Мальчик от радости залился краской.

— Еще бы!

Эти слова, горячие и жадные, как бы сами собой вырвались из его уст. Но мальчуган тут же осекся и, словно опомнившись, добавил:

— Только мама не разрешит. Она говорит, что не потерпит в доме никаких собак. С ними слишком много хлопот.

— У тебя такая строгая мама?

Мальчик задумался, на секунду поднял глаза на барона, словно сомневаясь, можно ли откровенничать с этим незнакомым господином. И только потом осторожно ответил:

— Нет, мама не строгая. Сейчас, после моей болезни, она позволяет мне все. Может, даже собаку позволит.

— Хочешь, я попрошу ее об этом?

— Да, пожалуйста, будьте так добры! — обрадовался мальчуган. — Тогда мама точно разрешит. А что за щенок? Белые уши? Он умеет носить поноску?

— Он все умеет. — Барон не мог сдерживать улыбки при виде сияющих глаз мальчика. Боязливое смущение вмиг испарилось, и сдерживаемая им страстность прорвалась наружу искрящимся фонтаном. Пугливый ребенок в мгновение ока превратился в бойкого шалуна. «Если бы и с матерью было так, — невольно подумалось барону. — Что, интересно, таится за ее страхом?» Тем временем мальчуган продолжал сыпать вопросами.

— Как зовут щенка?

— Каро.

— Каро! — восторженно повторил ребенок.

Казалось, конца не будет этому ликованию. Ребенок смеялся, опьяненный неожиданным счастьем, а барон, удивляясь своему быстрому успеху, решил ковать железо, пока горячо. Он предложил мальчику прогуляться, и бедняга, истосковавшийся за несколько недель одиночества по дружескому общению, с радостью согласился. Не задумываясь, он щебетал обо всем, о чем его новый друг как будто случайно спрашивал. Скоро барон узнал о его семье очень многое. Прежде всего, что Эдгар — единственный сын венского адвоката, очевидно состоятельного еврей-

ского буржуа. Слово за слово, молодой человек выведal, что мама мальчика не выказывает особого восторга по поводу их пребывания в Земмеринге и жалуется на недостаток хорошего общества. Наконец, из того, что в ответ на вопрос, не скучает ли мама по папе, его юный друг промямлил нечто невразумительное, барон сделал вывод, что между супругами не все благополучно. Ему было даже немного стыдно так легко выведывать у простодушного ребенка эти маленькие семейные тайны. А Эдгар, гордый тем, что взрослого человека заинтересовала его болтовня, стал откровенен почти до навязчивости. Барон положил ему руку на плечо, и детское сердце заколотилось от восторга: прогуливаться со взрослым, будто с приятелем, да еще на виду у всех! Мальчуган забыл о своем возрасте и вскоре болтал с бароном как с равным.

Эдгар был, как показала беседа, не по возрасту умным мальчиком, какими часто бывают болезненные дети, проводящие много времени в обществе взрослых. Он легко впадал в крайности в проявлении дружеского расположения или враждебности. Ничто, казалось, не оставляло его равнодушным. О людях и вещах он отзывался или с восхищением, или с ненавистью, искажавшей его лицо почти до безобразия. В такие моменты из него словно прорывалось наружу что-то дикое, — быть может, это было следствие недавно перенесенной болезни, — речи его становились необыкновенно пламенными, и тогда казалось, что сама его стеснительность — не что иное, как с трудом подавляемый страх перед собственной горячностью.

Барон с легкостью завоевал его доверие. Всего каких-нибудь полчаса — и пылкое, неровно бьющееся детское сердце было в его руках. Ведь так просто обмануть ребенка, это невинное создание, чьей

любви стараются добиться слишком редко. Барону оставалось лишь вспомнить собственное детство, и беседа потекла так непринужденно, так естественно, что ребенок сразу увидел в нем ровню, и за считанные минуты дистанция исчезла совершенно. Как же он был счастлив обрести друга в этом тоскливом месте, да еще такого! Все венские приятели, маленькие мальчики, писклявыми голосами болтающие о всякой чепухе, тотчас позабылись, новые впечатления затмили их образы. Отныне Эдгар полностью, со всей своей мечтательной страстностью, принадлежал своему взрослому приятелю. И когда тот, прощаясь, предложил встретиться завтра в первой половине дня, да еще помахал ему издали, как брат, у мальчугана от гордости закружилась голова.

Быть может, эта минута была самой счастливой в его жизни. Обмануть ребенка ведь так легко! Барон с улыбкой глядел вслед убегающему Эдгару. Посредник найден. Барон не сомневался, что теперь мальчик замучает мать разговорами. Он будет слово в слово повторять рассказы своего нового друга, — барон с удовольствием вспоминал, как умело вплетал в свою речь комплименты в адрес его «прекрасной мамы». Дело сделано, покладистый мальчуган не успокоится, пока не сведет их. Больше барон, чтобы приблизиться к очаровательной незнакомке, пальцем о палец не ударит. Мост к ее сердцу выстроят детские ручонки, а ему остается только любоваться красотами природы и мечтать.

Трио

План действительно оказался превосходным и полностью удался, в этом барон смог убедиться в тот же день. Когда он, намеренно опоздав, появил-

ся в столовой, Эдгар радостно заулыбался, заерзал на стуле и помахал ему рукой. Потом дернул мать за рукав и быстро о чем-то с ней заговорил, показывая в сторону барона. Покраснев от смущения, дама попеняла сыну на несдержанность, однако не смогла не уступить и взглянула в сторону молодого человека, который, воспользовавшись моментом, тут же отвесил почтительный поклон. Знакомство состоялось. Она была вынуждена ответить, но потом еще ниже склонилась над тарелкой и до конца обеда старательно избегала смотреть в его сторону.

Другое дело Эдгар — он не отрывал глаз от своего нового друга и попытался даже заговорить с ним, но мать тотчас сделала сыну строгое замечание. После обеда мальчику полагалось идти спать, но тут между ним и матерью началось оживленное перешептывание, окончившееся тем, что женщина уступила слезным просьбам ребенка и Эдгар направился к соседнему столику засвидетельствовать свое почтение новому другу. Барон сказал ему несколько теплых слов, от которых глаза мальчугана снова вспыхнули, и еще несколько минут болтал с ним. Потом вдруг встал, изящно повернулся к соседнему столику и поздравил несколько смущенную соседку с умным, смышленным сыном, с которым он так замечательно скоротал время сегодня утром, — Эдгар стоял тут же, весь красный от счастья и гордости, — и, наконец, осведомился о его здоровье, проявив такое участие, что мать не могла не ответить.

Слово за слово, она оказалась втянута в более длительную беседу, которую радостный мальчик слушал почти с благоговением. Представившись, барон заметил, что его имя произвело впечатление. Во всяком случае, дама стала на удивление предупредительной. При этом она не уронила своего достоинства и даже простилась с ним раньше, чем следовало

ожидать, — из-за сына, как, извинившись, объяснила она.

Тот горячо запротестовал: он не устал нисколько и готов бодрствовать хоть всю ночь. Однако мать уже протянула барону руку, которую тот почтительно поцеловал.

В ту ночь Эдгар спал плохо. Счастливое блаженство сменялось в его душе детским отчаянием. Потому что сегодня в его жизнь вторглось нечто новое, он впервые принял участие в жизни взрослых. В полудреме мальчик забыл о своем возрасте и почувствовал себя большим. До сих пор у него, единственного ребенка в семье, да еще часто болевшего, друзей было немного. Душу он мог излить разве только родителям, которые мало о нем заботились, да прислуге. Суждения о любви всегда ошибочны, если принимают в расчет лишь то, что дает повод к ее возникновению, забывая о том, что ей предшествует, — о той беспросветной бездне одиночества и разочарования, из которой исходит любой сердечный порыв. Там до поры покоилось не востребованное, тяготившее душу чувство, внезапно устремившееся навстречу тому, кто, как показалось мальчику, его заслуживает.

Эдгар лежал в темноте, счастливый и потерянный. Ему хотелось смеяться, но он плакал. Потому что любил этого человека, как никогда не любил ни друга, ни отца, ни мать, ни даже Господа Бога. Вся его незрелая чувственность обратилась к тому, чьего имени он не знал еще пару часов назад.

И все же Эдгар был достаточно умен, чтобы не смутиться внезапностью и необычностью этой дружбы. Чувство собственной никчемности — вот что мучило его. «Да разве я ему нужен? — спрашивал себя он. — Двенадцатилетний мальчишка, школьник, ко-

того вечером раньше всех отправляют спать? Что я для него, что я могу ему дать?» Именно осознание неспособности как-то проявить свои чувства и делало его таким несчастным. Обычно, почувствовав симпатию к кому-нибудь из своих товарищей, Эдгар делился с ним маленькими сокровищами из ящиков своего стола: почтовыми марками или камешками — всем тем, в чем и заключается состояние ребенка. Но все эти вещи, еще вчера казавшиеся такими ценными, вдруг потеряли всякую значимость и превратились в глупые, ненужные безделки. Разве он мог предложить подобное новому другу, к которому не смел даже обратиться на «ты»? Как еще можно выразить свои чувства? Его все больше терзало ощущение собственной незрелости, незначительности, — получеловек, ребенок двенадцати лет! Никогда еще он не презирал так свое детство, никогда так не хотел проснуться другим, каким видел себя во сне: большим и сильным, взрослым, как другие.

В эти беспокойные мысли быстро вплелись первые радужные мечты о новой, взрослой жизни. Эдгар уснул, улыбаясь, однако вчерашняя договоренность о встрече не шла у него из головы и не давала спать. Он вскочил с кровати уже в семь утра, боясь опоздать. Быстро оделся, заглянул в комнату удивленной матери, которой обычно стоило труда поднять сына с постели, и, пожелав ей доброго утра, устремился вниз по лестнице, прежде чем она успела его о чем-либо спросить.

Часов до девяти Эдгар беспокойно слонялся по отелю, забыв о завтраке. Единственной его заботой было не заставить своего друга ждать. Наконец в половине десятого появился ни о чем не подозревающий барон. Он, конечно, напрочь забыл о встрече, но при виде устремившегося к нему мальчишки не-

вольно улыбнулся и выказал готовность сдержать обещание.

Он снова взял сияющего мальчика под руку, прошелся с ним туда-сюда, однако немедленно начать прогулку мягко, но категорично отказался. Барон будто чего-то ждал, по крайней мере время от времени поглядывал в сторону двери и заметно нервничал. Внезапно он весь напрягся: в зал вошла мать Эдгара и, ответив на приветствие, направилась к ним. Она одобрительно улыбнулась, узнав о запланированной прогулке, которую Эдгар от нее утаил, как драгоценность, и на приглашение барона присоединиться, не раздумывая, ответила согласием.

Эдгар нахмурился и закусил губу. Надо же было объявиться ей именно сейчас! Это ведь их прогулка! Когда он представлял матери своего нового приятеля, это была всего лишь вежливость, делить его он ни с кем не собирался. Заметив, с какой приветливостью барон обращается к его матери, Эдгар испытал что-то вроде приступа ревности.

Потом они гуляли втроем, и опасное чувство собственной значительности еще больше укрепилось в ребенке, когда взрослые стали проявлять к нему неожиданный интерес. Оба говорили исключительно о нем. И пока мать, с несколько утрированной озабоченностью, жаловалась на его бледность и нервность, барон, возражая ей, не уставал превозносить достоинства своего «друга», как он теперь называл мальчика.

Никогда еще Эдгар не был так счастлив. Он получил права, каких прежде не имел. Он мог разговаривать, сколько душе угодно, и никто его не обрывал. Ему позволялось даже озвучивать всевозможные желания, что раньше воспринималось как недопустимая развязность. Что ж удивительного в том, что

он вообразил себя взрослым и это обманчивое чувство крепло в нем? Мысленно Эдгар уже расстался с детством, отбросив его, как одежду, из которой давно вырос.

Обедал барон, по приглашению матери, уже за их столиком. Так *vis-à-vis* стал своим человеком, а знакомство переросло в дружбу. Составилось трио, в котором мужской, женский и детский голоса звучали в полной гармонии.

Атака

Пришло время подкрадываться к дичи, нетерпение охотника нарастало. Фамильярные отношения между участниками «трио» стали его раздражать. Иногда приятно пообщаться в непринужденной обстановке, но не ради этого, в конце концов, все затевалось. Барон знал, что салонные беседы, требующие скрывать чувства под маской благопристойности, губительны для страсти, они не дают разгореться огню желаний между мужчиной и женщиной и лишают слова внутреннего жара. За разговорами она не должна забывать о его истинных намерениях, суть которых — в этом он не сомневался — ей уже понятна.

У барона были все основания рассчитывать на успех. Она была в том возрасте, когда женщина нет-нет да и пожалеет о том, что до сих пор оставалась верна мужу, которого, в сущности, никогда не любила, и когда, на закате ее красоты, предоставляется возможность последнего, решающего выбора: навестить упущенное или окончательно успокоиться в роли матери семейства. В жизни, в которой, как казалось, давно расставлены все точки над «i», на-

мечается последняя неопределенность, магнитная стрелка начинает колебаться: испытать судьбу или без остатка посвятить жизнь детям? И барон, человек в таких делах проницательный, заметил, как ему показалось, эти опасные колебания между искушением страсти и самопожертвованием.

В разговорах она вечно забывала упомянуть супруга, очевидно отвечавшего лишь самым поверхностным ее требованиям, но не утонченному снобизму, который был следствием аристократического образа жизни. Ребенок ее, в сущности, тоже не особенно занимал. Скука и поселившаяся на дне темных глаз тоска омрачали ее жизнь и притупляли чувственность.

Барон решил идти в наступление, но так, чтобы со стороны это не бросалось в глаза. Он действовал, как опытный рыболов, дающий рыбе возможность спокойно заглотнуть приманку. Этой новой дружеской привязанности он решил противопоставить внешнее безразличие, заставить добиваться себя, в то время как на деле добиваться будет он сам. Он решил держаться несколько высокомерно, подчеркнуть разницу в социальном положении. Его соблазняла мысль завоевать это пышное, полное красоты тело, полагаясь только на подчеркнутое высокомерие, приятную наружность, звонкое аристократическое имя и холодное обращение.

Игра уже распалила его, и барон призвал себя к осторожности. Вторую половину дня он просидел у себя в комнате, тешась мыслью, что новые друзья его разыскивают и им не хватает его общества. Впрочем, та, ради кого затевалась игра, почти не заметила его отсутствия, а вот для мальчика оно стало настоящей пыткой.

Всю вторую половину дня Эдгар чувствовал себя беспомощным и потерянным. Долгие часы он с ис-

тинно мальчишеской преданностью ждал своего приятеля. Уйти или заняться чем-нибудь другим в одиночку означало для него предать дружбу. Мальчуган без дела слонялся по коридорам, с каждым часом чувствуя себя все несчастнее. Не обидел ли он ненароком своего друга? Не случилось ли с ним чего? Воображение рисовало ему картины одну ужаснее другой, и мальчик едва не плакал от нетерпения и страха.

Когда барон вечером появился в столовой, его ждал восторженный прием. Эдгар сорвался с места, не обращая внимания ни на увещевания матери, ни на удивленные взгляды окружающих, и в радостном порыве обнял барона своими худыми ручонками.

— Где вы были? Где вы были? — кричал он. — Мы вас везде искали!

Услышав это «мы», дама покраснела и строго осадилась сына:

— Sois sage, Edgar! Assieds-toi!¹ — (С сыном она всегда говорила по-французски, хотя в ее устах этот язык звучал не слишком естественно и иногда в пространных фразах она допускала откровенные ошибки.) Эдгар послушался, но продолжал расспросы. — Не забывай, господин барон волен делать, что ему вздумается. Быть может, ему наскучило наше общество.

На этот раз она сама заговорила от лица их обоих, и барон с удовольствием почувствовал, что в ответ дама явно рассчитывает услышать комплимент.

Охотник торжествовал. Он так быстро взял верный след и уже смотрел в глаза зверю, готовясь к выстрелу! Его глаза заблестели, кровь быстрее побежала по жилам, слова сами собой — он уж и не знал как — срывались с губ.

¹ Веди себя прилично, Эдгар! Сядь! (фр.)

Силы его удвоились, энергия была ключом, как это бывает с мужчиной такого склада, когда он чувствует, что нравится женщине. Или с актером, которого воспаляет ощущение подвластной ему дышащей людской массы. Барон был хорошим рассказчиком, наделенным богатым воображением. Но сегодня, после пары бокалов шампанского, которые осушил в честь новой дружбы, он превзошел самого себя. Он рассказывал об охоте в Индии, в которой принимал участие по приглашению одного высокородного английского друга. Он не случайно выбрал эту тему, чувствуя, что интерес этой женщины может пробудить нечто экзотическое и недостижимое. Но если кто и был по-настоящему очарован его рассказом, так это Эдгар. Он забыл об ужине и смотрел на барона во все глаза. Разве смел он надеяться беседовать когда-нибудь с человеком, видевшим то, о чем ему доводилось только читать в книгах, — охоту на тигров, смуглых индусов и Джаггернаут¹ — огромную повозку, под колесами которой погибли тысячи человек. До сих пор он не верил, что такие люди существуют в действительности. Они были для него чем-то вроде сказочных героев. В эти секунды в мальчике впервые пробудились по-настоящему сильные чувства. Эдгар затаил дыхание, не в силах отвести взгляд от своего нового друга, от его сильных рук, некогда задушивших тигра. У него едва хватало решимости задавать вопросы, и его голос звучал, словно в лихорадке. Воображение оживляло рассказ фантастическими картинками, в которых Эдгар видел барона в пурпурном одеянии верхом на слоне,

¹ *Джаггернаут* — колесница со статуей индуистского божества Джаганнатхи, которую провозят по улицам во время ритуала Ратха-ятра. Считается, что погибший под ее колесами освобождается от последующих перерождений в материальном мире.

по обе стороны которого шли темнокожие мужчины в украшенных драгоценными камнями тюрбанах. А потом из джунглей вдруг выскакивал тигр с обнаженными клыками и вонзал слону в хобот когти. Наконец барон перешел к самому интересному: как ловили слонов, заманивая в ловушки молодых диких животных с помощью прирученных и старых. Глаза Эдгара сияли, когда мама — это было как удар ножом исподтишка — вдруг взглянув на часы, обратилась к нему:

— Neuf heures! Au lit!¹

Эдгар побледнел. Приказ отправляться в постель всегда унижение для ребенка, свидетельство его незначительности перед взрослыми, мелочности его бытия, подчиненного жалкой потребности сна. Но каково было пережить этот позор в такую минуту!

— Ну еще немного, мама, пожалуйста, дай мне дослушать про слонов...

Эдгар было захныкал, но сразу осекся, вспомнив о своем новом статусе взрослого. И все же попытку он предпринял. Однако сегодня мать была на удивление строга.

— Нет, нет, уже поздно. Немедленно поднимайся наверх! Sois sage, Edgar!² Обещаю пересказать тебе все истории барона.

Эдгар медлил. Обычно мать провожала его наверх. Но клянчить в присутствии друга он не хотел. Оставалось только в угоду детской гордости придать этому жалкому отступлению видимость добровольного согласия.

— Ты и вправду мне обещаешь, мама? Ты расскажешь мне? Про слонов и про все остальное?

— Да, мой милый.

¹ Девять часов! В постель! (фр.)

² Будь умницей, Эдгар! (фр.)

— И уже прямо сегодня?

— Да, да, только отправляйся в постель.

Эдгар восхищался собой, ему удалось подать руку барону и матери, даже не покраснев, в то время как слезы уже стояли в горле. А когда барон дружески потрепал его по волосам, Эдгар даже вымученно улыбнулся. Однако потом он быстро побежал к двери, чтобы никто не видел прорвавшихся наружу рыданий.

Слоны

Еще некоторое время мать оставалась внизу с бароном, но о слонах и охоте они больше не говорили. Как только мальчик покинул зал, странное томление и смущение вдруг овладели обоими. В конце концов они вышли в холл и устроились в углу. Барон был ослепителен как никогда, она разгорячена парой бокалов шампанского, и разговор принял опасный оборот. Строго говоря, барона нельзя было назвать красивым, но он был молод, и смуглое мальчишеское лицо излучало мужское обаяние. Волосы он стриг очень коротко и очаровал мать Эдгара энергичностью и непринужденностью движений. Ей нравилось смотреть на него вблизи, и она больше не избегала его взгляда. Но постепенно барон осмелел, и дама растерялась. Теперь в его речах сквозило что-то непристойное, словно он словами ощупывал ее тело, что-то неуловимо похотливое, отчето кровь прилиwała к ее щекам. Но стоило ему снова рассмеяться, залиvisto, по-мальчишески, как эта минутная страстность обращалась в детскую шутку.

Иногда дама чувствовала, что должна его осадить, однако каждый раз оттягивала этот момент. Будучи

по натуре кокетлива, она сама получала удовольствие от этой игры и увлекалась ею все больше. Под конец она стала даже подыгрывать: бросала многообещающие взгляды исподтишка и уже как бы поддавалась его напору, позволяла придвигаться к себе, чувствовала близость его голоса и теплое дыхание у себя на плече. Как свойственно игрокам, они забыли о времени, с головой ушли в жаркую беседу и опомнились лишь около полуночи, когда в холле начали гасить свет.

Дама в ужасе вскочила, в мгновение ока осознав, как далеко зашла. Она была не прочь поиграть с огнем, но сейчас обострившимся от возбуждения инстинктом почувствовала, что эта игра вот-вот может зайти слишком далеко. Дама поняла, что утратила обычное самообладание. Вино, жаркие речи — в голове словно закружился вихрь. На нее напал панический страх. Она уже испытывала нечто подобное несколько раз в такие же опасные минуты жизни, но никогда еще страх не был таким сильным.

— Спокойной ночи, спокойной ночи, до завтра... — быстро проговорила она и хотела было бежать. Не столько от него, сколько от этой страшной минуты, от себя самой, от пугающего недоверия к себе.

Барон мягко, но властно задержал ее руку и поцеловал, но не один раз, а четыре или пять, прикладывая губы от кончиков пальцев до запястья. Его жесткие усы щекотали тыльную сторону ее ладони, и дама дрожала, как в легком ознобе. По всему ее телу от этих прикосновений разливалась теплая, дурманящая волна, в висках пульсировала кровь, лицо пылало. Наконец, вздрагивая всем телом от парализующего животного страха, она отняла руку.

— Оставайтесь же, — прошептал барон.

СОДЕРЖАНИЕ

Жгучая тайна	5
Переулоч в лунном свете	82
Закат одного сердца	103
Невидимая коллекция	
<i>Случай из времен инфляции в Германии</i>	138
Смятение чувств	
<i>Из записок тайного советника Р. ф. Д.</i>	155
Фантастическая ночь	247
Случай на Женевском озере	308